

A man in a dark suit and a light-colored fedora hat is seen from behind, walking down a long, arched hallway. The walls are lined with framed paintings. The lighting is dramatic, with a strong light source at the end of the hallway, creating a silhouette effect on the man and highlighting the art on the walls.

Спецагент
под прикрытием
в мире искусства

ОПЕРАЦИЯ «ШЕДЕВР»

РОБЕРТ УИТТМАН
ДЖОН ШИФФМАН

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Купите книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЛА ПРИМА

Глава 1. Саут-Бич	13
Глава 2. Преступления против истории	25

ПРОВЕНАНС

Глава 3. Становление агента	39
Глава 4. «Человек со сломанным носом»	49
Глава 5. Авария	61
Глава 6. Я учусь видеть	70
Глава 7. Новая жизнь	84

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Глава 8. Золотой человек	91
Глава 9. История через служебный вход	113
Глава 10. Кровавое полотнище	128
Глава 11. Подружиться и предать	139
Глава 12. Аферист	164
Глава 13. Большая удача	183
Глава 14. Собственность дамы	206
Глава 15. Национальное достояние	226
Глава 16. Отдел по борьбе с преступлениями в сфере искусства	245
Глава 17. Старый мастер	251

ОПЕРАЦИЯ «ШЕДЕВР»

Глава 18. Миссис Гарднер	275
Глава 19. Висяк	279
Глава 20. Французская ниточка	286
Глава 21. Лоренц и Санни	293
Глава 22. Друзья и враги	303
Глава 23. У труса нет шрамов	314
Глава 24. Недоверчивость	318
Глава 25. Финал	342
 Послесловие Роберта Уитмана	 353
Благодарности	355
Об авторах	360

АЛЛА ПРИМА^{*}

^{*} Алла прима — одна из основных техник масляной живописи, главной отличительной особенностью которой является написание всей картины до полного высыхания красок. *Прим. ред.*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Г Л А В А 1

САУТ-БИЧ

Майами, 2007 год

Платиновый «Роллс-Ройс» с бронированными стеклами плавно скользил по автостраде Пальметто на восток, к Майами-Бич, а в его пуленепробиваемом багажнике лежало шесть краденых картин.

Великие произведения Дега, Дали, Климта, Джорджии О'Кифф, Хаима Сутина и Марка Шагала были обернуты в тонкую коричневую бумагу, заклеены прозрачным скотчем и грубо сдвинуты назад. Сиденье водителя занимал парижский миллионер Лоренц Конья. Он перестроился в левый ряд и гнал трехтонную бестию вперед: сто тридцать, сто сорок пять километров в час. Грозная решетка радиатора из нержавеющей стали рассекала воздух.

На развязке с Девяносто пятым шоссе сияющий автомобиль свернул на юг, оставив внизу бетонную ленту автострады. Впереди показались очертания Майами. Лоренц съехал на бульвар Мартина Лютера Кинга, резко развернулся и снова двинулся на шоссе, продолжив путь на юг. Его холодные зеленые глаза поглядывали то на дорогу, то в зеркало заднего вида. Он вытягивал шею, осматривая лазурное небо Флориды, и каждые несколько минут сбавлял скорость, соскальзывал в правый ряд, а затем вновь

давил на газ. Сиденье пассажира занимал француз по кличке Санни, спокойный, полноватый, со взъерошенными волосами, круглым милым лицом и незажженной сигаретой «Мальборо» в губах. Он тоже пытался заметить что-то подозрительное.

Я сидел сзади, поглядывал на одолженный «Ролекс» и с любопытством наблюдал, как качается в такт движению макушка Лоренца. С такой скоростью мы скоро будем на месте, если он не привлечет внимание дорожной полиции и не устроит аварию. Машина опять перестроилась, и я схватился за ручку над дверью. Лоренц — скучающий торговец недвижимостью в футболке с V-образным вырезом, выцветших голубых джинсах и сандалиях — был любителем. Ему хотелось приключений, и он считал, что именно так должен вести себя преступник на пути к большой сделке: хаотично маневрировать и проверять, нет ли за ним «хвоста». Прямо как в кино.

Я закатил глаза за черными солнцезащитными очками и сказал:

— Расслабьтесь. Сбавьте скорость.

Лоренц поджал губы и надавил на педаль акселератора.

— Послушайте, — не сдавался я. — Сложно спрятаться от полиции, если гнать по Девяносто пятому шоссе в платиновом «Роллс-Ройс Фантом» со скоростью сто сорок пять километров в час.

Лоренц не отреагировал. Тот, кто добился всего сам, не будет слушать чьих-то команд. Санни дулся, что я не дал ему прихватить пистолет, и тоже проигнорировал мою просьбу. Он провел пухлой рукой по густой шевелюре и молча посмотрел в окно. Я знал, что Санни нервничает. Его беспокоила импульсивность Лоренца: он нытик и по большому счету трус. Такие люди кажутся отважными и твердыми, но на них нельзя положиться, если что-то пойдет не по плану. Санни слабовато говорил по-английски, а я плохо знал французский, но, когда речь заходила о Лоренце, мы всегда приходили к единому мнению: без его связей не обойтись. Я потуже затянул ремень безопасности и умолк.

Французы на передних сиденьях знали меня как Боба Клэя. Я пользовался настоящим именем. Важнейшее правило работы под прикрытием — как можно меньше лжи. Чем больше врешь, тем больше приходится запоминать.

Санни и Лоренц считали меня кем-то вроде теневого американского арт-дилера — человеком, который работает с легальным и нелегальным рынком предметов искусства, международным брокером, хорошо знакомым с многомиллионными сделками. Они не были в курсе, что на самом деле я спецгент Федерального бюро расследований, старший следователь команды ФБР по преступлениям в сфере искусства. Не знали они и того, что европейский преступник, который поручился за меня в Париже, был полицейским осведомителем.

А главное — сегодняшнюю продажу шести картин Санни и Лоренц считали всего лишь прелюдией к Большому делу.

Благодаря их связям во французском уголовном мире и моим деньгам мы начали переговоры о покупке давно утраченного Вермеера, пары Рембрандтов и пяти эскизов Дега. Коллекция стоила пятьсот миллионов долларов и, что гораздо важнее, была очень известной. Шедевры похитили семнадцать лет назад во время величайшего нераскрытого преступления в истории искусства: ограбления бостонского музея Изабеллы Стюарт Гарднер в 1990 году.

Это злодеяние не давало покоя ни людям, связанным с искусством, ни следователям, давно пытавшимся поймать похитителей и вернуть утраченные картины. Бостонская полиция и местный отдел ФБР безуспешно проверяли сотни улик, малейшие намеки, нелепые слухи, сомнительные предположения. Им приходилось опровергать теории мошенников и назойливых типов, желавших заполучить пять миллионов долларов вознаграждения. Шли годы, новые подозреваемые появлялись, старые умирали, иногда при загадочных обстоятельствах. Все это породило бесчисленные теории заговора.

— Это дело рук мафии!

- Нет, это была Ирландская республиканская армия!
- Ограбление заказал иностранный магнат!
- Грабители не знали, что делают!
- Грабители точно знали, что делают!
- Преступники давно мертвы!
- Преступники живут и здравствуют в Полинезии!
- Это сделал кто-то из своих!
- Тут замешана полиция!
- Картины закопали в Ирландии!
- Картины спрятали на ферме в штате Мэн!
- Коллекция висит во дворце саудовского принца!
- Всё сожгли вскоре после ограбления!

Журналисты и писатели проводили расследования, распускали слухи, публиковали скандальные заметки. Об ограблении снимали документальные фильмы. Легенда с каждым годом обрастала подробностями, и преступление стало «священным Граалем» в своей области.

Сейчас я был уверен, что от разгадки меня отделяет всего несколько недель.

Уже девять месяцев я усердно работал под прикрытием, пытаясь заманить Санни и Лоренца, завоевать их расположение и доверие. Сегодняшняя подставная встреча на арендованной яхте была одним из последних этапов операции: она должна была развеять все сомнения в том, что я — серьезный игрок. Шесть картин, лежащих в багажнике, я подобрал на государственном складе. Это были подделки, но довольно качественные, чтобы Лоренц и Санни на них клюнули. По разработанному в ФБР сценарию мы сядем в зафрахтованную яхту «Пеликан» и отправимся на небольшую прогулку. Там мы встретимся с колумбийским наркодилером и его приближенными и продадим картины за миллион двести тысяч долларов в банковских переводах, золотых монетах и алмазах. Конечно, и дилер, и все остальные на яхте — подельники наркодилера, горячие девушки, капитан и стюарды — будут тайными агентами ФБР.

Пока мы ехали к нужному повороту, я прокручивал все это в голове и представлял себе, как на борту «Пеликана» идут последние приготовления. Колумбийский торговец достает из сейфа горсть крюгеррандов* и мешочек с алмазами. Четыре спортивные брюнетки под тридцать прячут «глоки» и переодеваются в бикини. Стюарды в белой льняной униформе выкладывают чипсы тортильяс, сальсу и ростбифы с кровью и кладут в ведра со льдом две большие бутылки шампанского. Угрюмый ирландец на изогнутом кремовом диване читает сообщения в серебряном смартфоне BlackBerry. Капитан переключается между скрытыми камерами и включает запись.

«Роллс-Ройс» мчался на восток через дамбу Макаптура — величественный мост, соединяющий центр города с Майами-Бич. До цели оставалось пять минут.

Я вспомнил утренний разговор с женой. В последний момент перед сделками под прикрытием я всегда звонил Донне. Я говорил, что люблю ее, и она отвечала взаимностью. Я спрашивал, как проходит день, и она рассказывала о детях. Наши беседы были короткие, всего пару минут. Я не рассказывал о своих планах, а она благоразумно не спрашивала. Звонок не просто успокаивал меня: он напоминал, что нельзя строить из себя героя.

Дамба закончилась, и Лоренц въехал на парковку рядом с мариной. Затормозив перед зданием с сине-белым козырьком, он сунул охраннику пятидолларовую купюру, взял талон и направился к большой белой яхте. Из нас троих он был самым молодым и спортивным, но выгружать картины пришлось мне и его товарищу. Санни не обратил на это внимания. Хотя во Франции он имел большие связи и был близок к La Brise de Mer — одной из пяти марсельских семейных банд, визитной карточкой которой стали убийцы на мотоциклах, — он не лидер,

* Золотые южноафриканские монеты. Названы в честь Пауля Крюгера, президента Трансвааля, и начали выпускаться в 1967 году. *Прим. ред.*

а солдат. Работал с переменным успехом, не любил говорить о прошлом, но я знал, что кражами и разбоем в южной Франции он занялся еще в конце 1960-х. Девяностые Санни провел в суровых французских тюрьмах, потом дважды сидел за нападения при отягчающих обстоятельствах, после чего улизнул в Южную Флориду.

История Лоренца была мечтой флоридского иммигранта. Бывший счетовод и меняла у парижских мафиози, он был объявлен в розыск и бежал из Франции. В Майами он появился в середине 1990-х, на заре последнего бума на рынке недвижимости. У него было триста пятьдесят тысяч долларов. Благодаря сочетанию беспроцентных займов, наметанного взгляда на пришедшие в упадок дома и своевременных взяток правильным наймодателям он ловко воплотил американскую мечту. То, что Лоренц мне рассказывал, в основном было правдой: на бумаге он, вероятно, «стоил» сто миллионов долларов. Жил в доме за два миллиона с бассейном и высокими воротами, а в частном канале, впадающем в залив, были припаркованы гидроциклы. Он носил рубашки с монограммами и редко пропускал еженедельный маникюр. Везде, где можно, Лоренц ездил на «Роллс-Ройсе». Исключение делал, только когда брал с собой собак. Их он возил на «порше».

Во Франции Санни и Лоренц не знали друг друга и встретились уже в Майами. Но на родине у них остались общие знакомые — мафиози, имевшие доступ к людям, прятавшим где-то в Европе украденного Вермеера и Рембрандтов. Установленная французской полицией прослушка подтвердила, что они регулярно общались с известными похитителями произведений искусства, в том числе по поводу продажи единственной в мире пропавшей картины кисти Вермеера — из музея Гарднер.

Я шел к яхте и оценивал обстановку. Прием был самый радушный: девушки в бикини, гремющая музыка калипсо. Но во всем этом была какая-то фальшивая нотка. «Не слишком ли

мы стараемся? — подумал я. — Санни и Лоренц ведь не дураки, а опытные мошенники».

Мы отчалили и целый час кружили по бухте Майами: ели, попивали игристое, наслаждались видами. Это была вечеринка. Две девушки ворковали с Санни, а я и Лоренц говорили с главарем, колумбийским дилером. Когда сделка была на мази, в проеме показалась третья красotka. Она схватила бокал шампанского, вазу с фруктами и громко объявила: «А теперь конкурс по поеданию клубники!» Выбежав на палубу, она постелила плед, встала на колени, провела клубникой по лицу, обмакнула ее во взбитые сливки, сладострастно опустила между блестящими от помады губами и медленно всосала. Ее примеру последовали другие девушки из ФБР. Наверное, все это и правда очень напоминало развлечения наркоторговцев, но они тут же допустили глупую ошибку: назначили судьей конкурса Санни. Здесь что-то было не так: почему внимание и королевское обхождение досталось этому полноватому парню, самому младшему в нашей банде? Санни неловко засуетился, а я сунул руки в карманы, сердито посмотрев на агентов.

Расследование сделало опасный крюк: так часто бывает, когда слишком много людей хотят сыграть важную роль. Я ничего не мог с этим поделать, а ощущение бессилия ненавидел.

Во всем ФБР я один под прикрытием работал с делами, связанными с искусством, и привык вести игру сам. Конечно, у меня была репутация рискованного человека, зато был результат. За восемнадцать лет работы мне удалось вернуть произведений искусства и древностей на сумму двести двадцать пять миллионов долларов: знаковые предметы американской истории, европейскую классику, наследие древних цивилизаций. Я сделал карьеру на поимке похитителей, мошенников и теневых торговцев, действовал во всех областях, бывал в самых разных уголках мира: Филадельфии, Варшаве, Санта-Фе, Мадриде. Я спасал произведения Родена, Рембрандта и Роквелла, различные исторические памятники, например головной убор воина

апачи Джеронимо и давно утраченную копию Билля о правах. Меня отделяли считанные месяцы от возвращения оригинала рукописи «Земли» Перл Бак.

Я знал, что преступления в сфере искусства нельзя вести так же, как заурядные дела о торговле наркотиками в Майами и бостонских грабежах. Мы гонимся не за обычными для преступного мира вещами — «дурманом», отмытыми деньгами, — а за бесценными, единственными в своем роде предметами, памятниками человеческой истории. И теперь перед нами крупнейшее нераскрытое дело в этой области.

Из тех, кто тогда оказался на яхте, никто не занимался до этого такого рода преступлениями. В ФБР подобных агентов вообще было мало. Американские правоохранительные органы — в том числе Федеральное бюро расследований — не слишком заботит возвращение украденных произведений. Гораздо удобнее заниматься тем, что получается лучше всего: сажать за ограбления, торговлю наркотиками, вымогательства у инвесторов. ФБР сегодня настолько озабочено предотвращением очередного теракта, что почти треть из тринадцати тысяч работающих там агентов гоняется за призраком Усамы бен Ладена. После 11 сентября преступлениями в сфере искусства долго никто не интересовался, и мне от этого было только легче: я привык заниматься своими делами, оставаясь в тени. Мое начальство в целом было компетентным, по крайней мере, сносным. Мне доверяли делать то, что я считаю нужным, и разрешали работать независимо от Филадельфии.

Однако операция «Шедевр» — такое название делу об ограблении музея Гарднер придумали до меня — была другой. Агентам по обеим сторонам Атлантики не терпелось получить свою долю в большой награде. Руководство почти всех участвующих ведомств — в Майами, Бостоне, Вашингтоне, Париже, Мадриде — требовало главную роль. Всем хочется славы — фотографии в газете и фамилии в пресс-релизе — после раскрытия дела.

ФБР — гигантская бюрократическая структура. По правилам дело обычно передают в город, где совершено преступление, независимо от опыта тамошних сотрудников. Именно поэтому правонарушениями в сфере искусства обычно занимаются люди, которые расследуют рядовые кражи, ограбления и применение насилия. Дела после этого редко передают в другие отделы. У большинства руководителей среднего звена в приоритете не следствие, а продвижение по службе. Босс вряд ли станет принимать спорное решение — в том числе о передаче крупного дела в штаб-квартиру или в элитный отдел вроде команды по преступлениям в сфере искусства. Ведь это может обидеть или смутить другого начальника, а то и повредить чьей-то карьере. Вот почему расследование по похищению из музея Гарднер — *самому* громкому преступлению против собственности в истории США и самому известному в сфере искусства на планете — возглавил не специальный отдел, а глава бостонской команды по ограблениям банков и насильственным преступлениям.

Конечно, для него это был вопрос карьеры, и он приложил все усилия, чтобы дело у него не забрали. Меня он недолюбливал: может быть, из-за того, считал склонным рисковать, действовать быстро и не дожидаться письменного одобрения. Все это могло повредить его продвижению по службе, и он уже пробовал отстранить меня, написав длинную сердитую докладную записку, в которой ставил под вопрос мою порядочность. Потом он отозвал ее, и я снова вернулся к работе, но начальник настоял, чтобы к делу подключили одного из бостонских агентов — того самого жесткого, угрюмого ирландца, который сидел на диване, уткнувшись в телефон. Меня этот странный человек только отвлекал: он был лишним и мог спугнуть сообразительных Санни и Лоренца.

Руководство ФБР в Майами и Париже было лучше, чем в Бостоне, но ненамного. Агентам из Майами, видимо, было удобнее гоняться за килограммами «дури», а не за стопкой изысканных картин, и они мечтали втянуть Санни в сделку

с наркотиками. Опять же лишнее. Связной ФБР в Париже пытался угодить коллегам из французской полиции, а довольны они могут быть только в том случае, если сами арестуют преступников и вызовут ажиотаж. Французский офицер даже позвонил мне за день до операции на яхте и поинтересовался, нельзя ли отменить встречу. Он собирался внедрить своего агента, но требовалось время, а я бы ограничился ролью ведущего эксперта по искусству. Меня подмывало спросить, с чего бы я должен слушать приказы французского полицейского, если операцию проводят американцы во Флориде. Но я сдержался и просто ответил, что ждать нельзя.

Операции под прикрытием заставляют понервничать и без вмешательства тех, кто должен помогать. Никогда не знаешь, поверили ли плохие парни твоим уговорам или задумали засаду. Один промах, одна фальшивая реплика — и можно проиграть. В мире высокочлассных преступлений, где речь идет о продаже произведений стоимостью десять, двадцать, даже сто миллионов долларов, подразумевается, что покупатель — истинный знаток. Нужно окружить себя ореолом компетентности и искушенности, а для этого требуются многие годы подготовки. Подделать это нельзя. Сейчас же речь шла о людях со связями в средиземноморской мафии, а она не любит шутить. Убивают не только осведомителей и полицейских под прикрытием, но и их семьи.

В конце концов конкурс с поеданием клубники сошел на нет, я «продал» подставному колумбийцу картины, и яхта медленно пошла к берегу. Я взял наполненный до половины бокал шампанского, вышел на корму и повернулся лицом к ветру, ловя свежий морской воздух. Мне это было очень нужно. Я в целом покладистый и оптимистичный человек и *никогда* не позволяю себе нервничать по мелочам, но в последнее время появилась какая-то раздражительность. Впервые работа под прикрытием не давала мне спать по ночам. Зачем рисковать жизнью и с трудом заработанной репутацией? Мне уже не надо ничего доказывать, а потерять можно многое. Я знал, что Донна

и трое наших детей тоже волнуются. Мы все смотрели на календарь: через шестнадцать месяцев я получу право выйти в отставку с полной государственной пенсией. Мой начальник в Филадельфии — старый товарищ, он не станет обращать внимание, если я отработаю последний этап по инерции. Можно было бы обучать работе под прикрытием, проводить время с семьей, наметить карьеру консультанта, подготовить молодого агента на смену.

«Пеликан» сбавил ход, приближаясь к дамбе, и я увидел причал и ждущий у навеса «Роллс-Ройс».

Мои мысли вернулись к пропавшим шедеврам и затейливым пустым рамам, которые по-прежнему висят на своем месте в музее Гарднер, хотя с момента, когда туманной мартовской ночью 1990 года двое мужчин, переодетых в полицейских, обхитрили незадачливых охранников, прошло уже семнадцать лет.

Я присмотрелся к Санни и Лоренцу, которые о чем-то беседовали на носу яхты. Они глядели на очертания Майами и темные грозовые тучи, надвигавшиеся после полудня со стороны Эверглейдса*. Толстый француз и его привередливый богатый спутник были самым большим успехом ФБР в деле Гарднер за десять лет. Мы уже перестали присматриваться друг к другу и, казалось, начинаем сходиться в цене и готовы обсудить более тонкие вопросы: логистику и незаметный обмен картин на наличные в одной из зарубежных столиц.

Но мне по-прежнему было сложно «прочесть» Санни и Лоренца. Поверили ли они в наш маленький спектакль на яхте? И если да, выполнят ли обещание провести меня к картинам? Может, у них свои хитрые планы и они убьют меня, как только я покажу чемодан с деньгами? И даже если Санни и Лоренц добудут Вермеера и Рембрандтов, даст ли мне начальство в ФБР и во Франции сделать свое дело? Позволят ли мне раскрыть самое впечатляющее ограбление в истории искусства?

* Заболоченный парк во Флориде. *Прим. ред.*

Санни помахал мне, и я кивнул в ответ. Лоренц спустился в каюту, а он подошел ко мне, держа в руке почти пустой бокал шампанского.

Я положил руку ему на плечо.

— *Ça va, mon ami?* — спросил я. — Как дела, приятель?

— *Très bien*, Боб. Прrrrrрекрасно.

У меня были большие сомнения.

— *Moi aussi*, — соврал я в ответ. — У меня тоже.